

Алан Александр Милн

Винни Пух и Все-Все-Все

[...Ранее](#)

продолжение

находился Иа-Иа.

– Здравствуй, Иа! – сказал Пух. – Вот это – Тигра.

– Кто вот это? – спросил Иа.

– Вот это, – в один голос объяснили Пух и Пятачок, а Тигра улыбнулся во весь рот и ничего не сказал.

Иа обошел вокруг Тигры два раза: сначала с одной стороны, потом с другой.

– Как, вы сказали, это называется? – спросил он, закончив осмотр.

– Тигра.

– Угу, – сказал Иа.

– Он только что пришел, – объяснил Пятачок.

– Угу, – повторил Иа.

Он некоторое время размышлял, а потом сказал:

– А когда он уходит?

Пух стал объяснять Иа, что Тигра – большой друг Кристофера Робина и он теперь всегда будет в Лесу, а Пятачок объяснил Тигре, что он не должен обижаться на то, что сказал Иа, потому что он, то есть Иа, всегда такой угрюмый; а Иа-Иа объяснил Пятачку, что наоборот, сегодня утром он необыкновенно весел: а Тигра объяснил всем и каждому, что он до сих пор еще не завтракал.

– Ох, так и знал, что позабуду, – сказал наконец Пух. – Тигры всегда едят чертополох – вот почему мы пришли к тебе в гости.

– Спасибо, Пух! Очень, очень тронут твоим вниманием!

– Ой, Иа, я не хотел сказать, что мы не хотели тебя видеть...

– Понятно, понятно. Словом, ваш новый полосатый друг хочет позавтракать. Вполне естественно. Как, вы говорите, его зовут?

– Тигра.

– Ну, тогда пойдем сюда, Тигра.

Иа проводил Тигру к самому колючему кусту чертополоха и для верности показал на него копытом.

– Этот кустик я берег для своего дня рождения, – сказал он, – но, в конце концов, что такое день рождения? Сегодня он тут, а завтра его нет. Пожалуйста, Тигра, угощайся.

Тигра сказал "спасибо" и неуверенно покосился на Пуха.

– Это и есть чертополох? – шепнул он.

– Да, – сказал Пух.

– Тот, который Тигры любят больше всего на свете?

– Совершенно верно, – сказал Пух.

– Понятно, – сказал Тигра.

И он храбро откусил большущую ветку и громко захрустел ею. В ту же секунду он сел на землю и сунул лапу в рот.

– Ой-ой-ой, – сказал он.

– В чем дело? – спросил Пух.

– Жжется! – пробормотал Тигра.

– Кажется, – сказал Иа, – наш друг проглотил пчелу.

Друг Пуха на секунду перестал трясти головой (он пытался вытрясти колючки) и объяснил, что Тигры не любят чертополоха.

– Тогда зачем было портить такой отличный экземпляр? – сурово спросил Иа.

– Но ведь ты сам говорил, – начал Пух, – ты говорил, что Тигры любят все, кроме меда и желудей.

– И чертополоха! – крикнул Тигра, который в это время бегал с высунутым языком, описывая огромны круги.

Пух грустно посмотрел на него.

– Что же мы будем делать? – спросил он Пятачка.

Пятачок знал, что ответить. Он сказал не задумываясь, что нужно пойти к Кристоферу Робину.

– Вы найдете его у Кенги, – сказал Иа. Потом он подошел поближе к Пуху и сказал громким шепотом:– Не могли бы вы попросить вашего друга перенести свои спортивные упражнения в какое-нибудь другое место? Я сегодня собираюсь обедать, и мне не очень хочется, чтобы весь мой обед истоптали ногами. Конечно, это пустяки, прихоть, можно сказать, но всех у нас есть свои маленькие капризы.

Пух важно кивнул и позвал Тигру.

– Пошли! Мы сейчас пойдем к Кенге, уж у нее обязательно найдется для тебя куча всяких завтраков.

Тигра закончил последний круг и подбежал к Пуху.

– Жжется! – объяснил он, широко и приветливо улыбаясь. – Пошли! – И побежал первым.

Пух и Пятачок медленно побрели за ним. По дороге Пятачок ничего не говорил, потому что он не мог ни о чем думать, а Пух ничего не говорил, потому что думал о новом стихотворении, и, когда он все хорошенько обдумал, он начал:

Что делать с бедным Тигрой?

Как на него спасти?

Ведь тот, кто ничего не ест,

Не может и расти!

А он не ест ни меду,

Ни вкусных желудей -

Ну ничего, чем кормят

Порядочных людей!

Он даже отказался

Жевать чертополох,

Чем вызвал в нашем Обществе

Большой переполох!

Так что ж нам делать с Тигрой?

Как на него спасти?

Ведь Тигре очень нужно

Немного подрасти!

– Да он ведь и так уже очень большой, – сказал Пятачок.

– На самом деле он еще не очень большой.

– Ну, он кажется очень большим. Просто огромным.

Пух, услышав это, задумался и пробормотал про себя:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Не зная, сколько в нем Метров,
И Литров, и Килограмм,
Но Тигры, когда они прыгают,
ОГРОМНЫМИ кажутся нам!

– Теперь стихотворение закончено, – сказал он. – Тебе оно нравится, Пятачок?
– Все, кроме Литров, – сказал Пятачок. – По-моему, они тут ни к чему.
– А они обязательно хотели встать сзади Метров, – объяснил Пух. – Вот я их и впустил туда, чтобы отвязаться. Вообще это самый лучший способ писать стихи – позволять вещам становиться туда, куда они хотят.
– Этого я не знал, – сказал Пятачок.

Тигра тем временем весело прыгал впереди, поминутно возвращаясь, чтобы спросить: "Сюда идти?" И вот наконец показался домик Кенги, и там был Кристофер Робин. Тигра бросился со всех ног к нему.

– Ах, это ты, Тигра! – сказал Кристофер Робин. – Я знал, что ты где-нибудь тут.

– А я сколько всего нашел в лесу! – с гордостью сказал Тигра. – Я нашел пух, и пятачок нашел, и еще Иа нашел! А вот завтрака я нигде не нашел.

Пух и Пятачок подошли к Кристоферу Робину обнялись с ним и рассказали, в чем дело.

– Ты, наверно, знаешь, что Тигры любят? – спросил Пух.

– Если я очень постараюсь, я, наверно, вспомню, – сказал Кристофер Робин. – но я думаю, что Тигра сам знает.

– Я знаю, – сказал Тигра, – они любят все на свете, кроме меда и желудей и еще – как эти жгучки называются?

– Чертополох.

– Да и еще кроме этих.

– Ну что же, ладно. Уж Кенга накормит тебя завтраком.

Они вошли в дом, и когда Крошка Ру сказал "Здравствуй, Пух", и "Здравствуй, Пятачок" (по одному разу), и "Здравствуй, Тигра" (два раза, потому что это очень забавно звучало и, кроме того, он ведь никогда еще так не здоровался), они рассказали Кенге, зачем они пришли, и Кенга очень ласково сказала: "Ну что ж, милый Тигра, загляни в мой буфет и посмотри – что тебе там понравится". Ведь Кенга сразу поняла, что, хотя с виду Тигра очень большой, он так же нуждается в ласке, как и Крошка Ру.

– А можно мне тоже поглядеть? – сказал Пух который уже начал себя чувствовать немножко одиннадцатичасно, и, получив согласие, он разыскал небольшую банку сгущенного молока.

Что-то, видимо, подсказало ему, что Тигры не любят сгущенного молока, и он тихонечко унес банку в уголок и спокойно занялся ею.

Но чем больше Тигра совал то свой нос, то лапу, то в одну, то в другую банку, тем больше он находил вещей, которые Тигры не любят. И когда он перерыл весь буфет и нашел все, что там было, и оказалось, что он ничего этого есть не может, он спросил Кенгу:

– Что же теперь будет?

Но Кенга, и Кристофер Робин, и Пятачок – все стояли вокруг Крошки Ру, уговаривая его принять рыбий жир. И Ру говорил: "Может, не надо?" – а Кенга говорила: "Ну-ну, милый Ру, вспомни, что ты мне обещал".

– Что это там такое? – шепнул Тигра Пятачку.

– Это ему лекарство дают, – сказал Пятачок. – Витамины! Он их ненавидит!

Тигра подошел поближе и наклонился над спинкой кресла Ру. И вдруг он высунул язык, послышалось громкое "буль-буль", и, подскочив от удивления, Кенга вскрикнула: "Ох!" – и ухватила ложку как раз в ту секунду, когда она уже исчезала в пасти Тигры. Ложку она спасла, но рыбий жир исчез.

– Господи, Тигра, милый! – сказала Кенга.

– Он мое лекарство принял, он мое лекарство принял, он принял мое лекарство! – в восторге запищал Ру, решивший, что это отличная шутка.

Тут Тигра посмотрел на потолок, закрыл глаза, и язык его пошел ходить кругами вокруг мордочки, на тот случай, если что-нибудь осталось снаружи. Затем его озарила умиротворенная улыбка, и он сказал:

– Так вот что Тигры действительно любят!

Теперь нас не удивит, что он поселился в доме у Кенги и всегда получал рыбий жир на завтрак, обед и ужин. Иногда (когда Кенга считала, что ему нужно подкрепиться) он вместо лекарства принимал ложку-другую каши, которой завтракал Ру.

– Но я лично считаю, – говаривал в таких случаях Пятачок Пуху, – я лично считаю, что он и так достаточно крепкий!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В КОТОРОЙ КРОЛИК ОЧЕНЬ ЗАНЯТ И МЫ ВПЕРВЫЕ ВСТРЕЧАЕМСЯ С ПЯТНИСТЫМ ЩАСВИРНУСОМ

Все предвещало, что у Кролика опять будет очень занятой день. Едва успев открыть глаза, Кролик почувствовал, что сегодня все от него зависит и все на него рассчитывают. Это был как раз такой день, когда надо было, скажем, написать письмо (подпись – Кролик), день, когда следовало все проверить, все выяснить, все разъяснить и, наконец, самое главное – что-то организовать.

В такое утро непременно надо было забежать на минутку к Пуху и сказать: "Ну что ж, отлично, тогда я передам Пятачку", а затем к Пятачку и сообщить: "Пух считает... Но лучше я сначала загляну к Сове". Начинался такой, как бы вам сказать, командирский день, когда все говорят: "Да, Кролик", "Хорошо, Кролик", "Будет исполнено, Кролик" и вообще ожидают дальнейших распоряжений. Кролик вышел из дому и, принохиваясь к теплему весеннему ветру, размышлял о том, с чего начать.

Ближе всех к нему был дом Кенги, а в домике Кенги был Ру, который умел говорить: "Да, Кролик" и "Хорошо, Кролик", пожалуй, лучше всех в Лесу; но, увы, в последнее время там безотлучно находился еще один зверь – непослушный и неугомонный Тигра. А он, как известно, был такой Тигра, который всегда сам лучше вас все знает, и, если вы говорите ему, куда надо идти, он прибегает туда первым, а когда вы туда доберетесь, его и след простыл, и вам даже некому гордо сказать: "Ну вот, мы у цели!"

– Нет, к Кенге не надо, – задумчиво сказал Кролик, подкручивая усики. И, желая окончательно удостовериться в том, что он туда не идет, он повернул налево и побежал прямехонько к дому Кристофера Робина.

"Что ни говори, – твердил Кролик про себя, – Кристофер Робин надеется только на меня. Он, конечно, любит Пуха, и Пятачка, и Иа, я – тоже, но у них у всех в голове опилки. Это ясно. Он уважает Сову, потому что нельзя не уважать того, кто умеет написать слово "суббота", даже если он пишет его неправильно, но правильнописание – это еще не все. Бывают такие дни, когда умение написать слово "суббота" просто не считается. А Кенга слишком занята Крошкой Ру, а Крошка Ру слишком маленький, а Тигра слишком непослушный, так что, когда наступает ответственный момент, надеяться можно только на меня. Я пойду и узнаю, в чем ему нужно помочь, и тогда я ему, конечно, помогу. Сегодня как раз день для таких занятий".

Он весело перескочил на другой берег реки и вскоре оказался в районе, где жили его Родственники и Знакомые; сегодня их было, кажется, еще больше обыкновенного. Кивнув одному-другому Ежу (поздороваться с ними за руку было, понятно, некогда), небрежно бросив "Доброе утро, доброе утро" еще кое-кому и снисходительно приветствовав самых маленьких словами: "Ах, это вы", Кролик махнул им всем лапкой и скрылся.

Все это вызвало такое волнение и восхищение среди Родственников и Знакомых, что некоторые представители семейства Козявок, включая Сашку Букашку, немедленно направились в Дремучий Лес и полезли на деревья надеясь, что они успеют забраться на верхушку до того, как это – что бы оно там ни было – случится, и они смогут все как следует увидеть.

Кролик несли по опушке Дремучего Леса, с каждой минутой все больше чувствуя важность своей задачи, и наконец он прибежал к дереву, в котором жил Кристофер Робин.

Он постучал в дверь.

Он раза два окликнул Кристофера Робина. Потом он отошел немного назад и, заслонив лапкой глаза от солнца, еще покричал, глядя на верхушку.

Потом он зашел с другой стороны и опять покричал: "Эй!" и "Слушай!" и "Это Кролик!", но ничего не произошло. Тогда он замолчал и прислушался, и все замолчало и прислушалось вместе с ним, и в освещенном солнцем Лесу стало тихо-тихо, и потом вдруг где-то в невероятной высоте запел жаворонок.

– Обидно, – сказал Кролик, – он ушел.

Он снова повернулся к зеленой двери, просто так, для порядка, и обирался уже идти, чувствуя, что утро совершенно испорчено, как вдруг заметил на земле листок бумаги. В листке торчала булавка; очевидно, он упал с двери.

– Ага, – сказал Кролик, снова приходя в хорошее настроение. – Мне опять письмо! Вот что там говорилось:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Ушол щасwirнyс
зaнит щacwirнyс
K.P.

– Ага! – повторил Кролик. – Надо немедленно сообщить остальным.
И он с важным видом двинулся в путь.
Ближе всего отсюда жила Сова, и Кролик направил свои стопы по Дремучему Лесу к дому Совы. Он подошел к двери, позвонил и постучал; потом снова постучал и опять позвонил. Словом, он звонил и стучал, стучал и звонил до тех пор, пока, наконец, наружу не высунулась голова Совы и не сказала:
– Убирайся, я предаюсь размышлениям, – ах, это ты!
Сова всегда так встречала гостей.
– Сова, – сказал Кролик деловито, – у нас с тобой есть мозги. У остальных – опилки. Если в этом Лесу кто-то должен думать, а когда я говорю "думать", я имею в виду думать по-настоящему, то это наше с тобой дело.
– Да, – сказала Сова, – я этим и занималась.
– Прочти вот это.
Сова взяла у Кролика записку Кристофера Робина и посмотрела на нее в некотором замешательстве. Она, конечно, умела подписываться – "Сава" и умела на писать "Суббота" так, что вы понимали, что это не вторник, и она довольно неплохо умела читать, если только ей не заглядывали через плечо и не спрашивали ежеминутно: "Ну так что же?" Да, она умела, но...
– Ну так что же? – спросил Кролик.
– Да, – сказала Сова очень умным голосом. – Я понимаю, что ты имеешь в виду. Несомненно.
– Ну так что же?
– Совершенно точно, – сказала Сова. – Вот именно. – И после некоторого размышления она добавила: – Если бы ты не зашел ко мне, я должна была бы сама зайти к тебе.
– Почему? – спросил Кролик.
– По этой самой причине, – сказала Сова, надеясь, что наконец она сумеет что-нибудь выяснить.
– Вчера утром, – торжественно произнес Кролик, – я навестил Кристофера Робина. Его не было. К его двери была приколотая записка.
– Эта самая записка?
– Другая. Но смысл ее был тот же самый. Все это очень странно.
– Поразительно, – сказала Сова, снова уставившись на записку. На минуту ей, неизвестно почему, показалось, что что-то случилось с носом Кристофера Робина. – Что же ты сделал?
– Ничего.
– Это самое лучшее, – ответила мудрая Сова.
Но она с ужасом ожидала нового вопроса. И он не заставил себя долго ждать.
– Ну так что же? – повторил неумолимый Кролик.
– Конечно, это совершенно неоспоримо, – пробормотала Сова.
С минуту она беспомощно открывала и закрывала рот, не в силах ничего больше придумать. И вдруг ее осенило.
– Скажи мне, Кролик, – сказала она, – что говорилось в первой записке? Только точно. Это очень важно. От этого все зависит. Повтори слово в слово.
– Да то же самое, что и в этой, честное слово! Сова посмотрела на Кролика, борясь с искушением спихнуть его с дерева, но, сообразив, что это всегда успеется, она еще раз попыталась выяснить, о чем же все-таки идет разговор.
– Прошу повторить точный текст, – сказала она, словно не обратив внимания на то, что сказал Кролик.
– Да там было написано: "Ушол щасwirнyс". То же самое, что и здесь, только здесь еще добавлено: "Занит щасwirнyс".
Сова с облегчением вздохнула.
– Ну вот, – сказала Сова, – вот теперь наше положение стало яснее.
– Да, но каково положение Кристофера Робина? – сказал Кролик. – Где он сейчас? Вот в чем вопрос!
Сова снова поглядела на записку. Конечно, столь образованной особе ничего не стоило прочитать такую записку: "Ушол щасwirнyс. Занит щасwirнyс". А что тут еще могло быть написано?
– По-моему, дорогой мой Кролик, довольно ясно, что произошло, – сказала она. – Кристофер Робин куда-то ушел с Щасwirнyсом. Он и этот... Щасwirнyс сейчас чем-то заняты. Ты за последнее время встречал у нас в Лесу каких-нибудь Щасwirнyсов?
– М-м-м, – сказал Кролик, – я как раз хотел у тебя узнать. Как они выглядят?
– Ну, – сказала Сова, – пятнистый или травоядный Щасwirнyс – это просто... По крайней мере, – сказала она, – он больше всего похож на... Но, конечно, – продолжала она, – это сильно зависит от... Ну... – сказала Сова. – Словом, я плохо представляю себе их внешний вид, – закончила она чистосердечно.
– Большое спасибо, – сказал Кролик.
И он помчался к Винни-Пуху.
Еще издалека он услышал какой-то загадочный шум. Он остановился и прислушался. Производил этот шум Винни-Пух, а шум был вот какой:

ЗАГАДОЧНЫЙ ШУМ

Опять ничего не могу я понять.
Опилки мои - в беспорядке.
Везде и повсюду, опять и опять
Меня окружают загадки.

Возьмем это самое слово о п я т ь .
Зачем мы его произносим,
Когда мы свободно могли бы сказать
"Ошесть ". и "осемь " и "овосемь "?

Молчит этажерка, молчит и тахта -
У них не добьешься ответа,
Зачем это хта - обязательно та.
А жерка .как правило, эта !

"Собака кусается "... Что ж, не беда .
Загадочно то, что собака,
Хотя и кусает с я, но никогда
Себя не кусает, однако...

О, если бы мог я все это понять .
Опилки пришли бы в порядок !
А то мне -загадочно! - хочется спать
От всех этих Трудных Загадок !

– Здорово, Пух, – сказал Кролик.
– Здравствуй, Кролик, – сказал Пух сонно.
– Это ты сам додумался?

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Да, вроде как сам, – отвечал Пух. – Не то чтобы я умел думать, – продолжал он скромно, – ты ведь сам знаешь, но иногда на меня это находит.

– Угу, – сказал Кролик, который никогда не позволял ничему находить на него, а всегда все находил и хватал сам. – Так вот, дело вот в чем: ты когда-нибудь видал Пятнистого или Травоядного Щасвирнуса у нас в Лесу?

– Нет, – сказал Пух, – ни-ко... Нет. Вот Тигру видел сейчас.

– Он нам ни к чему.

– Да, – сказал Пух, – я и сам так думал.

– А Пятачка ты видел?

– Да, – сказал Пух. – Я думаю, он сейчас тоже ни: чему, – продолжал он сонно.

– Ну, это зависит оттого, видел он кого-нибудь или нет.

– Он меня видел, – сказал Пух. Кролик присел было рядом с Пухом на землю, но почувствовав, что это умаляет его достоинство, снов встал и сказал:

– Если сформулировать нашу задачу, то ее можно изложить так: "Что Кристофер Робин делает теперь по утрам?"

– Что он делает?

– Да, да. Можешь ты мне рассказать, что он делает по утрам в последнее время? Требуются свидетельства очевидца за последние несколько дней.

– Да, – сказал Пух, – мы вчера с ним вместе завтракали. Возле Шести Сосен. Я сделал такую маленькую корзиночку, просто небольшую, но подходящую корзиночку, такую порядочную, солидную корзиночку, полную...

– Да, да, – сказал Кролик, – все понятно. Но я имею в виду более позднее время. Ты видел его когда-нибудь от одиннадцати до двенадцати часов дня?

– Ну, – сказал Пух, – в одиннадцать часов... одиннадцать часов, понимаешь, я обычно захожу домой. У меня в это время там кое-какие дела.

– А в четверть двенадцатого?

– Ну... – начал Пух.

– В полдвенадцатого?

– Да, – сказал Пух. – В полдвенадцатого или немножко попозже я обычно вижусь с ним.

И тут, задумавшись об этом, Пух вдруг вспомнил, что он действительно давно не видел Кристофера Робина в это время.

После обеда – да, вечером – да, перед завтраком – да, сразу после завтрака – да, а потом, действительно: "Ну, Пух, скоро увидимся", и Кристофер Робин исчезает на все утро.

– Вот то-то и оно, – сказал Кролик. – Куда?

– Ну, может быть, он ищет что-нибудь?

– Что? – спросил Кролик.

– Я как раз собирался это сказать, – сказал Пух. Потом он добавил: – Ну, может быть, он ищет этого... этого...

– Пятнистого или Травоядного Щасвирнуса?

– Да, – сказал Пух, – одного из них. Если он не на месте.

Кролик строго посмотрел на Винни-Пуха.

– Кажется, толку от тебя немного, – сказал он.

– Нет, – сказал Пух. – Но я стараюсь, – добавил он смиренно.

Кролик поблагодарил его за старание и сказал, что он должен навестить Иа, и Пух, если хочет, может пойти с ним. Но Пух, который чувствовал, что на него находит новый куплет Шумелки, сказал, что он подождет Пятачка.

– Всего хорошего, Кролик.

И Кролик ушел.

Но случилось так, что первым встретил Пятачка как раз Кролик. Пятачок встал в этот день очень-очень рано и решил нарвать себе букетик фиалок, и, когда он нарвал букет и поставил его в вазу посреди своего дома, ему внезапно пришло в голову, что никто ни разу в жизни не нарвал букета фиалок для Иа. И чем больше он думал об этом, тем более он чувствовал, как грустно быть ослом, которому никто никогда в жизни даже не нарвал букета фиалок. И он снова помчался на лужайку, повторяя про себя: "Иа, фиалки", а потом: "Фиалки, Иа-Иа", чтобы не забыть.

Пятачок нарвал большой букет и побежал рысцой к тому месту, где обычно пасся Иа, по дороге нюхая фиалки и чувствуя себя необыкновенно счастливым.

– Здравствуй, Иа, – начал Пятачок немного нерешительно, потому что Иа был чем-то занят.

Иа поднял ногу и помахал Пятачку, чтобы уходил.

– Завтра, – сказал Иа, – или послезавтра.

Пятачок подошел поближе посмотреть, в чем дело. Перед Иа на земле лежали три палочки, на которые он внимательно смотрел. Две палочки соприкасались концами, а третья палочка лежала поперек них. Пятачок подумал, что, наверно, это какая-нибудь Западня.

– Ой, Иа, – снова начал он, – я как раз...

– Это маленький Пятачок? – сказал Иа, не отрывая взора от своих палочек.

– Да, Иа, и я...

– Ты знаешь, что это такое?

– Нет, – сказал Пятачок.

– Это "А".

– О! О! – сказал Пятачок.

– Какое "О"? Это "А"! – строго сказал Иа. – Ты что, не слышишь? Или ты думаешь, что ты образованнее Кристофера Робина?

– Да, – сказал Пятачок. – Нет, – быстренько поправился он и подошел еще поближе.

– Кристофер Робин сказал, что это "А", – значит это и будет "А". Во всяком случае, пока кто-нибудь на него не наступит, – добавил Иа сурово.

Пятачок поспешно отскочил назад и понюхал свои фиалки.

– А ты знаешь, что означает "А", маленький Пятачок?

– Нет, Иа, не знаю.

– Оно означает Учение, оно означает Образование, Науки и тому подобные вещи, о которых ни Пух, ни ты не имеете понятия. Вот что означает А.

– О! – снова сказал Пятачок. – Я хотел сказать "Да ну?" – поспешно пояснил он.

– Слушай меня, маленький Пятачок. В этом Лесу толчется масса всякого народа, и все они говорят: "Ну Иа – это всего лишь Иа, он не считается". Они разгуливают тут взад и вперед и говорят: "Ха-ха!" а что они знают про букву "А"? Ничего. Для них это просто три палочки. Но для Образованных, заметь себе это, маленький Пятачок, для Образованных – я не говорю о Пухах и Пятачках – это знаменитая и могучая буква "А". Да, это тебе не такая вещь, – добавил он, – про которую каждый знает, чем это пахнет!

Пятачок смущенно спрятал за спину фиалки и оглянулся в поисках помощи.

– А вот и Кролик, – сказал он радостно. – Здравствуй, Кролик.

Кролик с важным видом подошел поближе, кивнул Пятачку искажал: "Привет, Иа", тоном, ясно говорившим, что спустя не более двух минут он скажет: "Всего хорошего".

– Иа, у меня к тебе только один вопрос. Что это делает Кристофер Робин в последнее время по утрам?

– Что я сейчас вижу перед собой? – сказал Иа, не поднимая глаз.

– Три палочки, – не задумываясь, ответил Кролик.

– Вот видишь? – сказал Иа Пятачку. Потом он повернулся к Кролику. – Теперь я отвечу на твой вопрос, – торжественно сказал он.

– Спасибо, – сказал Кролик.

– Что делает Кристофер Робин по утрам? Он учится. Он получает образование. Он обалдевает – по-моему, он употребил именно это слово, но, может быть, я и заблуждаюсь, – он обалдевает знаниями. В меру своих скромных сил я также – если я правильно усвоил это слово – обал... делаю то же, что и он. Вот это, например, буква...

– Буква "А", – сказал Кролик, – но не очень удачная. Ну ладно, я должен идти и сообщить остальным.

Иа посмотрел на свои палочки, а потом на Пятачка.

– Как сказал Кролик? Что это такое? – спросил он.

– "А", – сказал Пятачок.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Это ты ему сказал?
– Нет, Иа, я не говорил. Я думаю, он сам знает.
– Он знает? Ты хочешь сказать, что какой-то Кролик знает букву "А"?
– Да, Иа. Он очень умный, Кролик-то.
– Умный!.. – сказал Иа с презрением, изо всех сил наступив копытом на свои три палочки.
– Образование!.. – с горечью сказал Иа, прыгая на своих палочках (их стало уже шесть).
– Что такое наука? – спросил Иа, лягая палочки (их было уже двенадцать), так что они взлетели в воздух. – Какой-то Кролик все это знает. Ха!..
– Я думаю... – начал Пятачок робко.
– Не надо! – сказал Иа-Иа.
– Я думаю, фиалки довольно милые, – сказал Пятачок. Он положил перед Иа свой букет и умчался.
На следующее утро записка на двери Кристофера Робина гласила:

Я ушел
сейчас вернусь
К.Р.

Вот почему все обитатели Леса – за исключением, конечно, Пятнистого или Травоядного Щасвирнуса – отныне знают, чем Кристофер Робин занимается по утрам.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
В КОТОРОЙ ВЫЯСНЯЕТСЯ, ЧТО ТИГРЫ НЕ ЛАЗЯТ ПО ДЕРЕВЬЯМ

Случилось однажды так, что Винни-Пух о чем-то думал. И вот он подумал, что не мешало бы пойти навестить Иа, потому что они не виделись со вчерашнего дня. Он пошел к Иа, распевая песенку, но вдруг он вспомнил, что не видел Сову с позавчашнего дня, и решил по пути заглянуть в Дремучий Лес и посмотреть, дома ли Сова. Он пошел к Реке, мурлыкая ту же песенку, но, когда он дошел до третьего камня кладки, по которой переходят Реку, он забеспокоился о том, как поживают Кенга, и Ру, и Тигра. Пух подумал: "Я не видел Крошку Ру очень долгое время, а если я его не увижу сегодня, оно будет гораздо-гораздо дольше!"
И тут он сел на камушек посредине Реки и, раздумывая, что же ему теперь делать, спел еще кусочек той же песни.
Кусочек, который он спел, был приблизительно вот такой:

Что мне делать, интересно,
Поутру?
В чехарду сыграть полезно
С Крошкой Ру, -
Станет талия поуже,
Это мне к лицу.
К тому же
Буду прыгать я не хуже
Кен-
гу-
ру!

А солнце было такое ласковое и теплое, и камень, который лежал на солнышке уже давно, тоже был такой теплый, что Пух почти уже решил провести на нем все утро. И вдруг он вспомнил про Кролика.
"Да, Кролик! – сказал Пух про себя. – Я люблю с ним поговорить. Он всегда понятно говорит. Он не любит длинных, трудных слов, не то что Сова. Он любит простые, легкие слова, например: "Закусим?" или: "Угощайся, Пух!" Да, по-моему, мне надо пойти навестить Кролика!"
Тут к песенке прибавился новый кусочек:

Очень мил бывает Кролик
Иногда.
С ним приятно сесть за столик
Да-да-да!
Тот, кто хочет подкрепиться,
С ним всегда договорится,
Если только торопиться
Не-
ку-
да!

И, когда Пух спел все это, он поднялся с камня, вернулся назад на берег и решительно отправился к дому Кролика. Но не прошел он и нескольких шагов, как начал спрашивать себя (ведь больше-то никого рядом не было): "А вдруг Кролика нет дома?" "Или вдруг я опять застряну у него в двери на обратном пути, как однажды уже случилось, потому что дверь у него была слишком узкая?" "Ведь я-то знаю, что я не растолстел, но его дверь вполне могла похудеть!" "Да, пожалуй, лучше будет..."
И все это время он незаметно забирал левее и левее... пока не оказался, к своему большому удивлению, у своей собственной двери.
Было одиннадцать часов. Вполне подходящее время, чтобы немножко...
Словом, спустя полчаса Пух отправлялся туда, куда ему действительно хотелось отправиться, а именно к Пятачку, и по дороге он утирал губы лапкой и пел довольно пушистую песенку. Вот какую:

Хорошо живет на свете Винни-Пух!
Оттого поет он эти Песни вслух!
И неважно, чем он занят,
Если он толстеть не станет,
А ведь он толстеть не станет,
А, наоборот,
по-
ху-
деет!

Конечно, напечатанные здесь эти строки кажутся не особенно хорошими, но Пух, напевая эту песенку в очень солнечное утро, после очень, очень сытного завтрака, был уверен, что это одна из лучших песен, какие он сочинил в жизни. И он пел и пел ее в свое удовольствие.
Пятачок копал ямку в земле у самой своей двери.
– Здравствуй, Пятачок! – кричал Винни-Пух.
– Ой, здравствуй, Пух! – отвечал Пятачок, подпрыгнув от неожиданности. – А я знал, что это ты!
– Я тоже, – сказал Пух. – А что ты делаешь?
– Я сажаю желудь, Пух, и пускай из него вырастет дуб, и тут будет много, много желудей у самого дома, а то за ними приходится ходить бог знает куда. Понимешь?
– А вдруг не вырастет? – спросил Пух.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Вырастет, потому что Кристофер Робин сказал – обязательно вырастет. Поэтому я его и сажаю.
– Гм, – сказал Пух. – А я тогда... А я тогда посажу соты ы с медом в своем садике, и из них вырастет целый улей.
Пятачок был в этом не вполне уверен.
– Или лучше кусочек сота, – сказал Пух. – Особенно разбрасываться сотами не приходится. Только вот тогда может вырасти не целый улей, а кусочек, да еще вдруг неправильный кусочек – тот, где пчелы только жужжат, а меду не делают. Вот обидно!
Пятачок согласился, что это будет довольно обидно.
– Между прочим, Пух, сажать очень трудно, если ты не знаешь как, – сказал он, – это надо уметь. – И он положил желудь в приготовленную ямку, засыпал его землей и попрыгал на этом месте.
– Я-то умею сажать, – сказал Винни-Пух, – потому что Кристофер Робин дал мне семена коготков и винтиков, нет – гв`оздиков! И я их посадил, и у меня теперь возле двери будет настоящий цветник – коготки и гв`оздики. Или винтики.
– Я думал, они называются ноготки, – неуверенно сказал Пятачок, не переставая прыгать, – а гв`оздики... гв`оздики – это, наверно, гвозд`ики!
– Нет, – сказал Пух, – мои цветы называются коготки и винтики!
Попрыгав хорошенько. Пятачок вытер лапки о живот и сказал: "Что мы теперь будем делать?", а Пух сказал: "Пойдем навестим Кенгу, Ру и Тигру", и Пятачок сказал: "Д-д-давай п-п-пойдем", – потому что он все еще немножко побаивался Тигру. Тигра был ужасно прыгучий, и у него была такая манера здороваться, что у вас потом всегда были полны уши песку, даже после того, как Кенга скажет: "Тигра, деточка, осторожно!" – и поможет вам встать.
Они отправились в путь.
А в этот самый день у Кенги было ужасно хозяйственное настроение. Она решила везде навести порядок и пересчитать все белье и выяснить, сколько осталось у нее кусков мыла, и сколько у Тигры осталось чистых салфеток, и сколько у Ру осталось чистых передников, так что она выставила их обоих из дому, снабдив Ру пакетом бутербродов с салатом, а Тигру пакетом бутербродов с рыбьим жиром, чтобы они могли славно провести время в Лесу.
По дороге Тигра рассказывал Ру (которого это очень интересовало) обо всем, что умеют делать Тигры.
– А летать они умеют? – спросил Ру.
– Тигры-то? – сказал Тигра. – Летать? Тоже спросил! Они знаешь как летают!
– О! – сказал Ру. – А они могут летать не хуже Сова?
– Еще бы! – сказал Тигра. – Только они не хотят.
– А почему они не хотят?
– Ну, им это почему-то не нравится.
Ру никак не мог этого понять, потому что ему-то ужасно хотелось полетать, но Тигра объяснил ему, что надо самому быть Тигрой, чтобы это понять.
– А прыгать? – спросил Ру. – Могут Тигры прыгать, как Кенги?
– Спрашиваешь! – сказал Тигра. – Еще как! Когда хотят, конечно.
– Ой, как я люблю прыгать! – сказал Ру. – Давай посмотрим, кто дальше прыгнет – ты или я?
– Конечно, я, – сказал Тигра, – только мы сейчас не будем задерживаться, а то еще опоздаем.
– Куда опоздаем?
– Туда, куда нам надо прийти вовремя. – сказал Тигра, ускоряя шаги. Вскоре они добрались до Шести Сосен.
– А я умею плавать, – сообщил Ру, – я один раз упал в Реку и плавал. – А Тигры умеют плавать?
– Конечно, умеют. Тигры все умеют.
– А по деревьям они умеют лазить лучше, чем Пух? – спросил Ру, остановившись перед самой высокой из Шести Сосен и задрав голову.
– По деревьям они лазят лучше всех на свете, – сказал Тигра, – гораздо лучше всяких Пухов!
– А на это дерево они могут влезть? – Они всегда лазят как раз по таким деревьям, – сказал Тигра. – Целый день лазят: то вверх, то вниз.
– Ой, Тигра, правда?
– А вот сейчас увидишь, – сказал Тигра решительно, – садись ко мне на закорки и увидишь.
Он внезапно почувствовал, что лазание по деревьям – это единственный талант тигров, в котором он действительно уверен.
– Ой, Тигра! Ой, Тигра! Ой, Тигра! Ой, Тигра! – пищал Крошка Ру в восторге. Он забрался Тигре на спину, и они полезли.
До первого сучка Тигра радостно повторял (про себя): "А мы лезем!"
Добравшись до следующего сучка, он с гордостью сказал (про себя): "Ну что, я зря говорил, что Тигры умеют лазить по деревьям?"
Забравшись еще повыше он сказал (про себя): "Конечно, это не так легко, что говорить!.."
А еще повыше он сказал:
– Ведь слезать тоже придется. Задом.
А еще-еще повыше:
– И это будет трудновато...
– Если не упасть...
– А зато тогда это, кажется, будет совсем...
– Легко!
И как только он сказал "легко", ветка, на которой он стоял, внезапно сломалась, и он, чувствуя, что падает, едва-едва успел вцепиться в верхнюю ветку. Затем он медленно, медленно поднял голову, зацепился подбородком за эту ветку... Затем подтянул одну заднюю лапу... Потом другую... И, наконец он уселся на эту ветку, тяжело дыша и от души жалея, что он вместо всего этого не попробовал заняться плаванием.
Ру слез с Тигры и уселся рядышком.
– Ой, Тигра, – радостно сказал он, – мы уже на самой верхушке?
– Нет, – сказал Тигра.
– А мы полезем на верхушку?
– Н-е-т, – проворчал Тигра.
– У-у! – сказал Ру довольно грустно, но тут же радостно продолжал: – А здорово это у тебя получилось, когда ты стал понарошку падать, а потом взял и не упал. Давай еще разок?
– Н-е-т!! – прорычал Тигра.
Ру немного помолчал, а потом спросил:
– А можно, мы съедим бутерброды. Тигра?
– Давай. А где они? – спросил Тигра.
– Они там внизу, под деревом.
Тигра сказал:
– Я думаю, мы лучше их побережем немного.
Так они и сделали.
Тем временем Винни-Пух и Пятачок продолжали свою прогулку. Пух в стихах сообщал Пятачку, что "неважно, чем он занят, так как он толстеть не станет, а ведь он толстеть не станет"; а Пятачок размышлял о том, скоро ли вырастет посаженный им желудь.
– Пух, гляди, – неожиданно пискнул Пятачок, – там на Сосне кто-то сидит.
– Верно, – сказал Пух, с интересом вглядываясь вдаль. – Там какой-то зверь.
Пятачок схватил Пуха за лапу, очевидно, чтобы Пух не очень пугался.
– Это какой-нибудь Хищный Зверь? – спросил он, стараясь смотреть в другую сторону.
Пух кивнул.
– Это Ягуляр, – сказал он.
– А что Ягуляры делают? – спросил Пятачок, в глубине души надеясь, что сейчас они этого делать не будут.
– Они прячутся на ветвях деревьев и оттуда бросаются на вас, когда вы стоите под деревом, – сказал Пух. – Кристофер Робин мне все-все про них рассказывал.
– Тогда мы лучше не будем подходить к этому дереву, Пух, а то он еще бросится оттуда и ушибется.
– Они не ушибаются, – сказал Пух, – они здорово умеют бросаться.
Однако Пятачка это почему-то не утешило. Он все-таки чувствовал, что не стоит подходить к дереву, с которого, того гляди, кто-то бросится, хотя бы и очень умело, и он уже собирался побежать домой по какому-то очень срочному делу, когда Ягуляр подал голос.
– Помогите, помогите! – кричал он.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Ягуляры– они всегда так, – сказал Пух, довольный, что может блеснуть своими познаниями. – Они кричат: "Помогите, помогите", а когда вы посмотрите вверх – бросаются на вас.

– Я смотрю вниз, вниз! – закричал Пятачок очень громко, чтобы Ягуляр по ошибке не сделал того, чего не надо.

В ответ донесся чей–то восторженный писк с той самой ветки, где сидел Ягуляр:

– Пух и Пятачок! Пух и Пятачок!

И Пятачок неожиданно почувствовал, что сегодня прекрасный день, гораздо лучше, чем ему только что казалось. Такой солнечный, теплый денек!

– Пух! – крикнул он. – По–моему, это Тигра и Ру.

– По–моему, тоже, – сказал Пух. – А я думал, это Ягуляр и... и еще один Ягуляр.

– Эй, Ру, – крикнул Пятачок, – что вы там делаете?

– Мы не можем слезть! Мы не можем слезть! – кричал Ру. – Здорово, правда? Пух, вот здорово! Мы с Тигрой живем на дереве, как Сова! И мы теперь всегда тут будем жить! А я вижу дом Пятачка! Пятачок! Я отсюда твой дом вижу! Высоко мы забрались, правда? Сова и то ниже нас живет!

– Как ты туда попал, Ру? – спросил Пятачок.

– Меня Тигра привез! А Тигры вниз лазить не могут, потому что у них хвосты очень путаются между ног. Они только вверх умеют! А когда мы полезли, Тигра про это забыл, а сейчас он уже вспомнил, и мы тут теперь всегда–всегда будем жить. А может, еще выше залезем! Что ты сказал, Тигра? А–а! Тигра говорит, что, если мы заберемся выше, нам не так хорошо будет видно дом Пятачка, так что мы уж тут останемся.

– Пятачок, – торжественно сказал Пух, выслушав все это, – что мы можем предпринять?

И он принялся за бутерброды Тигры.

– Они попались? – тревожно спросил Пятачок.

Винни–Пух кивнул.

– А ты не можешь влезть к ним?

– Я могу, Пятачок. Я могу снять оттуда Крошку Ру, но Тигру я снять не могу, мне его не дотащить. Нади что–нибудь придумать.

И в раздумье он начал жевать бутерброды Крошки Ру...

Не знаю, может быть, Пух и успел бы что–нибудь придумать, доев последний бутерброд, но едва он за него принялся, как в кустах послышался треск и оттуда появились Иа и Кристофер Робин.

– Нисколько не удивлюсь, если завтра выпадет град, – говорил Иа. – Того и жди. Бураны, вьюги и тому подобное. Сегодня, конечно, хорошая погода, но это еще ничего не значит; это еще не сулит хороших перспек... или как там это называется? Словом, ничего такого не сулит... Это просто небольшая порция погоды. И все тут.

– А вот и Пух, – сказал Кристофер Робин. Ему, очевидно, было безразлично, что порция хорошей погоды не очень большая, лишь бы она была хорошая. – Здравствуй, Пух!

– Это Кристофер Робин, – сказал Пятачок. – Вот он–то знает, что делать!

Они помчались ему навстречу.

– Ой, Кристофер Робин... – начал Пух.

– А также Иа, – сказал Иа.

– Тигра и Крошка Ру залезли прямо на Шесть Сосен и не могут слезть и...

– А я как раз говорил, – перебил Пятачок, – что если только Кристофер Робин...

– А также Иа–Иа, – сказал Иа, снова намекая, чтс с ним позабыли поздороваться.

– Если бы только вы оба были здесь, то мы бы могли что–нибудь придумать! – сказали Пух и Пятачок.

Кристофер Робин взглянул вверх, увидел Тигру и Крошку Ру и попытался что–нибудь придумать.

– Я думаю, – сказал глубокомысленно Пятачок, – что если бы Иа встал под деревом, а Пух встал к нему на спину, а я встал на плечи Пуха...

– И если бы спина Иа–Иа неожиданно треснула, то мы бы все здорово посмеялись. Ха–ха–ха! Как забавно! – сказал Иа. – Очень приятное развлечение, но боюсь, не особенно полезное.

– Ну, – сказал Пятачок жалобно, – я только думал...

– Ты думаешь, твоя спина сломалась бы, Иа? – спросил ужасно удивленный Пух.

– Заранее тут ничего сказать нельзя, милый Винни. И это, конечно, как раз самое интересное!

Пух сказал: "Ох", и все снова принялись думать.

– Ура, я придумал! – вдруг закричал Кристофер Робин.

– Слушай внимательно, маленький Пятачок, – сказал Иа, – и ты скоро будешь знать, что мы намерены предпринять.

– Я сниму рубашку, и мы все возьмем ее за края, и тогда Крошка Ру и Тигра могут туда прыгнуть, все равно как в гамак, они только покачаются и нисколько не ушибутся.

– Как снять Тигру с дерева, – сказал Иа–Иа, – и никому не повредить! Придерживайся этих правил, уважаемый Пятачок, и все будет в порядке!

Но уважаемый Пятачок ничего не слышал – так он волновался при мысли, что снова увидит голубые помочи Кристофера Робина. Он уже их видел однажды, когда был гораздо моложе, и пришел тогда в такое возбуждение, что его уложили спать на полчаса раньше обычного.

И с тех пор он всегда мечтал проверить, действительно ли они такие голубые и такие помочные, как ему показалось.

Поэтому, когда Кристофер Робин снял рубашку и ожидания Пятачка оправдались в полной мере, Пятачок на радостях простил Иа обиду, ласково улыбнулся ему и даже взялся за тот же край рубашки.

А Иа шепнул ему:

– Конечно, и теперь нельзя ручаться, что не произойдет несчастного случая. Несчастные случаи – очень странные штуки. Они обычно случаются совершенно случайно.

Когда Крошка Ру понял, что ему нужно сделать, он пришел в безумный восторг и запищал:

– Тигра, Тигра, мы сейчас будем прыгать! Ты погляди, как я прыгаю! Я сейчас просто полечу, вот увидишь. А Тигры так могут? Кристофер Робин! Я пошел! – крикнул он, прыгнул – и угодил в самый центр спасательной рубашки.

Летел он так быстро, что его снова подбросило почти на такую же высоту и он еще долго продолжал подлетать вверх, приговаривая: "О, о!"

Наконец он остановился и сказал: "Ой, как здорово!" – и его опустили на землю.

– Давай, Тигра! – крикнул он. – Это очень просто!

Но Тигра изо всей силы держался за ветку и говорил про себя: "Конечно, прыгающим животным, вроде Кенги, это хорошо, но для плавающих животных, вроде Тигров, это совершенно другое дело".

И он почему–то вдруг представил себе, как он плывет на спинке вниз по течению или весело ныряет в прохладной влаге реки, и почувствовал, что это и есть настоящая жизнь для Тигры.

– Давай, давай! – крикнул Кристофер Робин. – Не бойся.

– Сейчас, минуточку, – нервно сказал Тигра, – мне что–то в глаз попало! – И он медленно, медленно пополз по ветке.

– Давай, давай, это очень просто! – пропищал Крошка Ру.

И вдруг Тигра почувствовал, как это просто.

– Ой! – крикнул он, видя, как дерево проносится мимо него.

– Берегитесь! – крикнул Кристофер Робин спасателям.

Раздался стук, треск разрываемой ткани, и на земле образовалась куча мала. Кристофер Робин, Пух и Пятачок поднялись первыми, потом они подняли Тигру, а в самом низу был, конечно, Иа–Иа.

– Ой, Иа! – крикнул Кристофер Робин. – Тебе не больно? – Он заботливо ощупал ослика, стряхнул с него пыль и помог ему встать на ноги.

Иа–Иа долгое время ничего не говорил.

Потом он спросил:

– Тигра здесь?

Тигра был здесь и снова в прекрасном настроении.

– Да, – сказал Кристофер Робин, – Тигра здесь.

– Что ж, тогда поблагодарите его от моего имени – сказал Иа.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

В КОТОРОЙ ВИННИ–ПУХ ИЗОБРЕТАЕТ НОВУЮ ИГРУ И В НЕЕ ВКЛЮЧАЕТСЯ ИА–ИА

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

К тому времени, когда речка добралась до края Леса. Она очень выросла – выросла в настоящую Реку. И, сделавшись взрослой, она перестала прыгать, скакать и вертеться, как вначале, в детстве, а двигалась плавно и медленно. Ведь теперь она знала, куда идет. и говорила себе: "Спешить незачем. Когда–нибудь все там будем". Зато все впадавшие в нее маленькие ручейки носились по Лесу взад и вперед без устали, мелькали то тут, то там – ведь им надо было так много, так много увидеть и узнать! Широкая тропа – пожалуй, ее можно было даже назвать дорогой – вела из Внешнего Мира в Лес, но, перед тем как попасть в Лес, ей надо было перебраться через эту Реку. И там, где Река и Дорога встречались, был деревянный мостик, почти такой же ширины, как сама дорога, с деревянными перилами по обеим сторонам. Кристофер Робин, пожалуй, мог положить подбородок на верхнюю перекладину перил, если бы захотел: но гораздо интереснее было встать на нижнюю перекладину, наклониться пониже и смотреть на Реку, медленно скользившую куда–то. Винни–Пух, если бы захотел, пожалуй, мог положить свой подбородок на нижнюю перекладину, но куда интереснее было лечь на животик, просунуть голову под перекладину и смотреть, как внизу медленно скользит Река. Для Пятачка же и Крошки Ру это был единственный способ полюбоваться Рекой, потому что они были такие маленькие, что никак не доставали даже до нижней перекладины. Они ложились под перекладину и смотрели на Реку... А Река текла и текла, медленно и плавно – ведь спешить ей было некуда. Однажды по пути к мостику Винни–Пух старался сочинить какой–нибудь стишок про шишки, потому что кругом валялось множество шишек, а у Винни было поэтическое настроение. Он взял одну шишку посмотрел на нее и сказал про себя: "Это очень хорошая шишка, и, конечно, она должна с чем–нибудь рифмоваться". Сперва он ничего не мог придумать, а потом ему вдруг пришло в голову вот что:

Ах. растут на елке шишки
Не для плюшевого Мишки!

– Хотя это неправильно, – сказал он, – потому что шишки мне могут пригодиться, а потом мы с ними хорошо рифмуемся! "Мишки – шишки"! Тут ему пришел в голову новый стишок:

Не странно ли, что Волки
Не могут жить на елке?

– Хотя "Волки – елки" тоже хорошо рифмуются, – пояснил Пух и продолжал:

Живут на елках белки -
Хоть елки и не елки!

Тем временем Винни как раз подошел к мосту. И так как он не смотрел себе под ноги, он споткнулся, шишка выскользнула из его лап и упала в воду. – Обидно! – сказал Пух, глядя, как шишка медленно проплывает в сторону моста. Он хотел сходить за новой шишкой, которую тоже можно было срифмовать, но потом подумал, что лучше он просто поглядит на Реку, потому что денек такой славный; Винни–Пух лег на пузо и стал смотреть на Реку, а она медленно, плавно скользила вдаль... И вдруг из–под моста появилась его шишка, тоже медленно, плавно скользившая вдаль. – Как интересно! – сказал Пух. – Я уронил ее с той стороны, а она выплыла с этой! Интересно, все шишки так делают? Он пошел и набрал еще шишек. Да. Они все так делали. Тогда он бросил две шишки сразу и стал ждать, какая из них выплывет первой. И одна из них выплыла первой, но, так как они были одинакового размера, Пух. не знал, была ли это та, которую он задумал, или другая. Тогда в следующий раз он бросил одну большую, а другую маленькую, и большая выплыла первой, как он и думал, а маленькая выплыла последней, как он тоже думал, так что он выиграл два раза!.. И к тому времени, когда Винни пошел домой пить чай, он уже выиграл тридцать шесть раз и проиграл двадцать восемь. Иными словами, он выиграл... Ну, отнимите сами двадцать восемь от тридцати шести, и вы узнаете, сколько раз он выиграл. Или – сколько раз он проиграл, если это вам интереснее. Так появилась на свет игра, которую потом называли игрой в "Пушишки", в честь Винни–Пуха, который ее изобрел и научил играть в нее своих друзей. Только потом они стали играть палочками вместо шишек, потому что палочки легче различать, а игру называли просто "Игрой в Пустяки", и в этом названии от Пуха осталось только "Пу", а от шишек вообще ничего не осталось. И вот однажды Пух, и Пятачок, и Кролик, и Крошка Ру играли в Пустяки; они бросали палочки по команде Кролика, а потом стремглав мчались на другую сторону моста, и все глядели вниз, ожидая, чья палочка выплывет первой. Ждать приходилось подолгу, потому что Река была в этот день очень ленива и, казалось, вообще не думала о том, чтобы двигаться к цели. – А вот моя! – крикнул Крошка Ру. – Нет, не моя, это чья–то другая. Это не твоя, Пятачок? Я думал, это моя, а это не моя. Вот она! Нет, не она! Это не твоя, Пух? – Нет, – отвечал Винни–Пух. – Наверно, моя палка пропала, – сказал Ру. – Кролик, моя палка – пропалка! Пятачок, а твоя палка – пропалка? – Они всегда заставляют ждать дольше, чем вы думаете, – сказал Кролик. – А сколько, ты думаешь, они заставят ждать? – спросил Ру. – Вон твоя, Пятачок, – вдруг сказал Винни–Пух.

[Далее...](#)